

Научный проект на тему:
«Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки.
Основные мысли»

*«Действовать в конкретной жизненной ситуации,
исходя из универсальных стандартных предписаний,
- это и значит действовать неразумно!»* П. Фейерабенд

Пол Карл Фейерабенд (1924 – 1994) - американский ученый, философ, методолог науки. Сформулировал целый ряд плодотворных методологических идей, разработал анархистскую теорию познания. Основные работы Фейерабенда были «Против метода», «Наука в свободном обществе», «Прощай благоразумие».

Фейерабенд стал известен именно благодаря своим анархистским взглядам на процесс научного познания, и утверждениям, что в науке не существует универсальных методологических правил.

Пол Карл Фейерабенд родился в 1924 году в Вене, где он обучался в начальной школе, а затем и в высшей школе. Семья Фейерабенда жила в неблагополучном квартале. Его родители, опасаясь влияния улицы на ребенка, не выпускали его из дому вплоть до десятилетнего возраста. В доме было очень мало книг, и Пол предавался размышлениям и мечтам, сидя целыми днями в одиночестве.

Позже Фейерабенд увлекся чтением, полюбил театр и стал брать уроки пения. Долгое время он хотел стать профессиональным вокалистом.

После окончания высшей школы в апреле 1942 года Фейерабенд был направлен на исполнение трудовой повинности. После прохождения подготовки в городе Германии он был направлен в местечко около Бреста во Франции.

В своей известной работе «Против Метода» Пол Фейерабенд пишет о том, что в науке ученый действует иррационально, в отличие от

классический представлений четких действий ученых на достижение целей. Фейерабенд подвергает критике мнение, что теория – лишь удобная схема для упорядочивания фактов. Он подчеркивает, что каждая научная теория несет свой особый способ рассмотрения мира. Ее восприятие оказывает влияние на наши общие убеждения и ожидания, и посредством этого – на опыт и наше представление о реальном. Автор вводит «правило контриндукции», которое гласит, что необходимо вводить и разрабатывать гипотезы, несовместимые с хорошо обоснованными теориями, существовавшими ранее, с фактами и данными экспериментов. Условие совместимости, согласно которому новые гипотезы логически должны быть согласованы с ранее признанными теориями, неразумно, поскольку оно сохраняет более старую, а не лучшую теорию. Гипотезы, противоречащие подтвержденным теориям, доставляют нам свидетельства, которые не могут быть получены никаким другим способом. Единообразие подвергает опасности свободное развитие индивида.

В научных кругах идеи Фейерабенда сочли радикальными, поскольку предполагают, что разработанный и рекомендуемый философами «общий курс» развития науки должен быть отвергнут учеными, если это необходимо для дальнейшего прогресса. Пол Фейерабенд, оценивая научные теории, активно критиковал идею последовательности в науке, считая, что в новой теории нельзя ссылаться на старые. Данные идеи автора восприняли очень негативно, поскольку данные высказывания шли в разрез с устоявшимися концепциями о методологии науки.

В ответ на волну критики, которая обрушилась на Фейерабенда, он написал не менее известную работу **«Наука в свободном обществе»**. В ней краткое изложение основных идей по работе «Против метода», результаты последующей разработки и ответы на некоторую критику. Данная работа преследует одну цель: устранить препятствия, воздвигаемые Интеллектуалами и специалистами перед сторонниками иных, нежели их

собственная, традиций, и подготовить почву для вытеснения самих специалистов (ученых) из жизненных Центров современного общества.

В первой части труда речь идет о науке, вторая часть распространяет аргументацию на общество в целом, в обоих случаях основной теоретической проблемой является выяснение отношения между разумом и практикой: Идеализм считает, что практика (практика науки, искусства; общение на естественном языке; обычаи, не совпадающие с закрепленными в законах) есть лишь сырой материал, форму которому придает разум. Практика способна содержать в себе элементы разума, но лишь случайным и бессистемным образом. Только сознательное и систематическое применение разума к отчасти структурированному, отчасти аморфному материалу дает настоящую науку, счастье жить в обществе, историей которого можно гордиться, ибо она, воплотила в себе все лучшее, что есть в человеке. В то же время натурализм полагает, что история, право, наука уже предельно совершенны. Действуя, люди мыслят и всегда стремятся делать это как можно лучше. Несовершенство результатов отчасти объясняется неблагоприятными условиями, отчасти тем, что хорошие мысли, не всегда приходят вовремя. Попытка преобразовать науку или общество с помощью четко сформулированных, теорий рациональности привела бы к нарушению хрупкою равновесия между мыслью, эмоциями, воображением и историческими условиями их применения и породила бы хаос. Идеализм и натурализм страдают сходными недостатками, однако от них можно избавиться, соединив натурализм с идеализмом и постулировав взаимодействие разума и практики.

Также в работе «Наука в свободном обществе» развивает идею свободного общества и определяет роль науки в таком обществе. Свободным является общество, в котором все традиции имеют равные права и равный доступ к центрам власти. Традиция получает эти права не за то значение, которое она имеет для посторонних людей, а за то, что она придает смысл жизни тем, кто участвует в ней. Однако она может

представлять интерес и для посторонних. Например, некоторые формы народной медицины могут обладать лучшими способами диагноза и лечения заболеваний, чем научная медицина наших дней, а некоторые первобытные космологии вполне способны помочь нам предугадать дальнейшую судьбу господствующих ныне воззрений. Следовательно, установить равноправие традиций не только справедливо, но и в высшей степени полезно. Каким образом может быть реализовано общество, придающее всем традициям равные права? Как можно лишить науку того доминирующего положения, которое - она сейчас занимает? Какие методы, какие процедуры будут эффективными? В основе этих вопросов, которыми задается в работе Пол Фейерабенд, лежит мысль о том, что для решения проблем должны существовать теории. При этом нам исподволь внушается, что такие теории должны быть разработаны специалистами, т. е. интеллектуалами: интеллектуалы определяют структуру общества, интеллектуалы объясняют, что возможно и что невозможно, интеллектуалы говорят каждому, что ему делать. Однако в свободном обществе интеллектуалы представляют лишь одну из многих традиций. Они не пользуются особыми правами, и их воззрения не имеют особого интереса. Проблемы решаются не специалистами (хотя их советами не пренебрегают), а заинтересованными лицами в соответствии с идеями, которые они ценят, и способами, которые они считают наиболее подходящими. Автор пишет, что сейчас во многих странах люди постепенно осознают, что закон дает им гораздо большую свободу действий, чем они предполагали; они шаг за шагом завоевывают то пространство, которое до сих пор было занято специалистами, и идут в этом направлении все дальше. Свободные общества возникнут в результате именно таких действий, а не благодаря претенциозным теоретическим схемам. Разумеется, участники этого развития будут пользоваться определенными: идеями, различные группировки будут пытаться учиться друг у друга; они могут подчинить свои воззрения некоторой общей цели, и благодаря этому временно могут

возникнуть более общие идеологии. Но такие идеологии будут формироваться из решений, принимаемых в конкретных и зачастую непредсказуемых ситуациях, они будут отображать чувства, желания и мечты тех, кто принимал решения, их нельзя предугадать с помощью абстрактного мышления специалистов. Причем эти идеологии будут не только отображением желаний и бытия людей – они будут также более гибкими и лучше приспособленными к решению конкретных проблем, нежели все выдумки социологов (будь то последователи Т.Парсонса или кого-либо еще), политиков или любых других интеллектуалов. Так постепенно усилия тех, кто соединяет гибкость с уважением к традициям, будут разрушать узкий и самодовольный «рационализм» интеллектуалов, использующих государственные средства для того, чтобы истреблять традиции налогоплательщиков, портить их мышление, уничтожать окружающую среду и вообще превращать живого человека в покорного раба их собственного унылого способа жизни.

В данной работе автор издаека приходит к мысли того, что наука должна быть отделена от государства, поскольку она испытывает сильное влияние на себе. Эти мысли уже были провозглашены в более ранней работе Фейерабенда «Против Метода», но в работе «Наука в свободном обществе» идея развивается сильнее и подкреплена множеством примеров.

Автор говорит, что рационально-либеральное общество не способно включить в себя афроамериканскую культуру в ее подлинном смысле. Оно не способно включить в себя подлинную еврейскую культуру или культуру средневековья в их чистом виде. Все эти культуры оно способно терпеть только в качестве вторичных привоев к стволу фундаментальной структуры, представляющей собой порочный альянс науки, рационализма. Однако, автор, выступая ревнителем рационализма и науки, задается вопросами - Разве это оправданно? Разве не существует громадного различия между наукой, с одной стороны, и религией, магией, мифом – с другой? Разве не является это различие столь большим и столь очевидным, что вовсе не

обязательно специально его оговаривать и уж совсем глупо его отрицать? Не заключается ли это различие в том, что магия, религия и мифологическое мировоззрение лишь пытаются нащупать контакт с реальностью, в то время как науке удалось это сделать и тем самым превзойти своих предшественников? Не следует ли отсюда, что не только оправданно, но и просто необходимо устранить из центра общественной жизни религию с ее разработанной онтологией, миф, претендующий на описание мира, систему магии, занимающую альтернативную позицию по отношению к науке, и заменить их наукой? Таковы некоторые вопросы, которые «образованный» либерал будет использовать для возражения против любой формы свободы, угрожающей центральному положению науки и (либерального или иного) рационализма.

В этих риторических вопросах автор подразумевает три допущения.

Допущение А: научный рационализм выше всех альтернативных традиций.

Допущение Б: его нельзя усовершенствовать с помощью сравнения или соединения с альтернативными традициями.

Допущение В: благодаря своим преимуществам он должен быть принят и сделан основой общественной жизни и образования.

Второй весомый аргумент, который приводит Пол Фейерабенд в своей работе гласит, что наука заслуживает особого положения благодаря своим результатам. Но тут важно понимать, что данный аргумент справедлив только в том случае, если можно показать, что:

а) другие формы сознания никогда не создавали ничего, что было бы сравнимо с достижениями науки;

б) результаты науки автономны, т. е. не связаны с действием каких-либо вненаучных сил.

Ни одно из этих допущений не выдерживает строгой проверки.

Безусловно, наука внесла громадный вклад в наше понимание мира, а это понимание в свою очередь привело к еще более значительным

практическим достижениям. Верно также и то, что теперь большинство соперников науки либо исчезли, либо изменились так, что конфликт их с наукой больше не возникает: религии «демифологизированы» с откровенной целью приспособить их к веку науки, мифы «интерпретированы» так, чтобы устранить их онтологические следствия. Некоторые особенности этого процесса вполне понятны. Даже в честной борьбе одна идеология нередко пожинает успехи и побеждает своих соперниц. Это не означает, что побежденные соперницы лишены достоинств и не способны внести свой вклад в развитие нашего познания, просто они временно истощили свои силы. Они способны возродиться и нанести поражение своим победителям. Превосходный пример в этом отношении автор приводит идею движения Земли. Она возникла в античности, была разгромлена мощными аргументами аристотеликов, считалась «невероятной нелепостью» Птолемеем и тем не менее с триумфом возвратилась в XVII столетии. Что верно для теорий, верно и для методов: познание опиралось на спекулятивное мышление и логику, затем Аристотель ввел более эмпирические познавательные процедуры, которые впоследствии были заменены математизированными методами Декарта и Галилея, а затем эти методы участниками копенгагенской школы были соединены с довольно радикальным эмпиризмом. Из этого краткого экскурса в историю автор хочет сказать: временную задержку в развитии некоторой идеологии нельзя считать основанием для ее устранения. Однако, именно это случилось после научной революции с прежними формами науки и ненаучными концепциями. Концепции и теории были устранены сначала из самой науки, а затем вытеснялись из общественной жизни до тех пор, пока общество не пришло к современной ситуации, в которой их выживание подвергается опасности не только со стороны общего предрасположения в пользу науки, но также и со стороны общественных учреждений, ибо наука стала частью фундамента демократии. Этим примеров автор показывает, что не удивительно, что наука царствует ныне

безраздельно и является единственной идеологией, получающей интересные результаты. Она безраздельно царствует благодаря тому, что некоторые ее прошлые успехи привели к появлению организационных мероприятий: система народного образования; роль специалистов; роль мощных объединений. Получается, что государству и демократии в целом выгодно держать науку под своим контролем и оказывать на нее сильное влияние, чтобы потом наука оказывала влияние на общество и управляла им, служа при этом государственным «рычагом».

Автор заявляет, что сегодня наука господствует не в силу ее сравнительных достоинств, а благодаря организованным для нее пропагандистским, и рекламным акциям.

Обращаясь вновь к истории, Фейерабенд отмечает, что мифы, религии, обычаи исчезли или выродились не вследствие того, что наука была лучше, а потому, что апостолы науки были более решительными борцами, потому что они подавляли носителей альтернативных культур материальной силой. Исходя из этого, автор обращает внимание на то, что ненаучные идеологии, способы практики, теории, традиции могут стать достойными, соперниками науки и помочь нам обнаружить ее важнейшие недостатки, если дать им равные шансы в конкурентной борьбе. Предоставить им эти равные шансы – задача институтов свободного общества.

Исследования в области антропологии, археологии показывают, что наши предки имели и располагали ныне высокоразвитыми космологическими, медицинскими и биологическими теориями, которые зачастую были более адекватными и давали лучшие результаты, чем их западные конкуренты. Древние народы переплывали океаны на судах, подчас обладавших лучшими мореходными качествами, чем современные суда таких же размеров, и владели знанием навигации и свойств материалов, которые, хотя и противоречат идеям науки, на поверку оказываются правильными. Автор таким множеством примеров показывает,

что существовало масса идей, которые могли бы принести хорошие плоды в развитии науки, если бы государство и общество не душило эти идеи.

Свободное общество есть общество, в котором всем традициям предоставлены равные права и одинаковый доступ к центрам власти.

Это привело общество к возражению, что равные права можно гарантировать только в том случае, если базисная структура общества «объективна», то есть не испытывает чрезмерного давления со стороны одной из традиций. Следовательно, рационализм более важен, нежели какие-либо другие традиции.

Разделение между государством и наукой (рационализмом), являющееся существенной стороной общего разделения между государством и традициями, нельзя ввести отдельным политическим актом, да и не следует этого делать: некоторые люди еще не достигли зрелости, необходимой для жизни в свободном обществе (это относится, в частности, к ученым и другим рационалистам). Люди свободного общества должны выносить решения по самым фундаментальным вопросам; они должны знать, как получить необходимую для этого информацию; они должны понимать цели традиций иных, нежели их собственная, и роль, которую эти традиции играют в жизни их сторонников. Зрелость, о которой я говорю, не есть интеллектуальная добродетель, это особая восприимчивость, которую можно приобрести только посредством частых контактов с представителями разных точек зрения. Ей нельзя научиться в школе и тщетно надеяться на то, что «социальные исследования» создадут ту мудрость, которая нам нужна. Однако ее можно приобрести участием в гражданской деятельности. Это объясняет, почему постепенный прогресс, постепенное разрушение авторитета науки и других стесняющих институтов, являющиеся результатом гражданских действий, следует предпочесть более радикальным мерам: гражданская деятельность является лучшей и единственной школой свободных граждан.

Также очень интересные мысли Пола Фейерабенда были изложены в его не менее известной работе «**Прощай, разум!**». В этой работе рассматриваются следующие темы: структура научного познания и роль философии науки; авторитет науки в сравнении с другими формами жизни; значение этих других форм жизни; роль абстрактного мышления (философии, религии, метафизики) и абстрактных идеалов (например, гуманизма).

Автор здесь уделяет большое внимание структуре науки. Основным его тезисом является следующий: события и результаты, образующие науку, не обладают какой-то общей структурой; нет элементов, которые встречались бы в каждом научном исследовании и отсутствовали в других областях.

Конкретные успешные исследования (например, опровержение стационарной модели Вселенной или открытие структуры ДНК) обладают очень разными особенностями, и часто мы способны объяснить, почему и как именно эти особенности привели к успеху. Однако не всякое открытие можно объяснять одним и тем же образом, и методы, успешные в прошлом, способны привести к хаосу при их использовании в будущем. Успешное научное исследование не подчиняется общим стандартам; оно использует то один прием, то другой, и путь, который приведет к успеху, далеко не всегда известен ученому. Теория науки, которая изобретает стандарты и структурные элементы всякой научной деятельности и освящает их ссылкой на некоторую теорию рациональности, может производить впечатление на посторонних, однако является слишком грубым инструментом для работающих людей, т.е. для ученых, сталкивающихся с конкретными проблемами.

Требование большей свободы ученым - «анархистом» в этой ситуации можно интерпретировать двояко. Его можно интерпретировать как требование открытого обмена мнениями с целью нахождения понимания и не ограниченного какими-то специфическими правилами. Однако его

можно интерпретировать и как требование признания без какой-либо проверки. С точки зрения «Против Метода» и «Науки в свободном обществе», последнее требование может подкрепляться указанием на то, что идеи, которые когда-то считали абсурдными, впоследствии приводили к прогрессу познания. Однако это указание упускает из виду то, что судьи, издатели и спонсоры могут опираться на те же самые основания: *status quo* также часто приводило к прогрессу и лозунг «Все дозволено» охватывает и методы его защитников. Следовательно, здесь требуется нечто большее, чем простая самоуверенность и неопределенные обобщения.

Изучение конкретных случаев показывает, что новаторы в науке как раз и совершали это большее. Галилей, например, не жаловался, а пытался убеждать своих оппонентов всеми средствами, которые имелись в его распоряжении. Часто эти средства отличались от стандартных профессиональных процедур, вступали в противоречие даже со здравым смыслом — в этом состоит анархистский компонент исследований Галилея, однако у них было основание, которое можно было выразить в терминах обыденного языка, и они оказались успешными. Также Фейерабенд обращал внимание на то, что полная демократизация науки сильно осложнит жизнь открывателям великих истин: теперь им придется обращаться к людям, которые не разделяют их интереса к науке и к научным исследованиям.

Второй темой авторских сочинений является авторитет науки. Фейерабенд утверждает, что не существует «объективных» причин для предпочтения науки и западного рационализма другим традициям. В самом деле, трудно себе представить, какими могли бы быть эти причины.

Верно, конечно, что ныне западная наука распространилась на весь мир как заразная болезнь и что многие люди считают ее продукты (интеллектуальные и материальные) обязательными, но вопрос все-таки остается: было ли это подкреплено аргументами (в смысле защитников западной науки), т.е. был ли каждый шаг распространения науки обоснован рассуждениями, находившимися в согласии с принципами западного

рационализма? Стала ли лучше жизнь людей, зараженных наукой? На оба вопроса ответа нет. Западная цивилизация либо была навязана силой, а не убеждением, либо ее принимали потому, что она производит более эффективное оружие, и ее распространение, хотя и принесло кое-что положительное, причинила громадное зло. Она не только разрушила духовные ценности, придававшие смысл человеческой жизни, она испортила также взаимодействия человека с окружающей средой, не предложив методов, сравнимых по эффективности. «Примитивные» племена знали, как справляться с природными бедствиями типа эпидемий, наводнений или засухи, у них была «иммунная система», позволявшая им справляться с разнообразными потрясениями социального организма. В нормальные периоды они использовали окружающую среду, не причиняя ей вреда, опираясь на свое знание свойств растений, животных, климатических изменений и экологических взаимодействий, которые мы только начинаем осознавать. Это знание было отчасти уничтожено, отчасти серьезно испорчено сначала гангстерами колониализма, а затем — гуманными носителями прогресса. Беспомощность значительной части так называемого «третьего мира» является результатом, а не причиной внешнего вмешательства.

Есть много причин, объясняющих, почему так много интеллектуалов продолжает рассуждать столь поверхностно. Одной из них является невежество. Большинство интеллектуалов не имеет ни малейшего представления о достижениях людей, живущих вне рамок западной цивилизации. В этой области ученые питались лишь слухами о превосходстве науки по сравнению со всем остальным. Другая причина заключается в изобретении рационалистами средств преодоления трудностей. Например, они проводят различие между фундаментальной наукой и ее применениями: если случилось что-то плохое, то виноваты прикладники, а не добрые и невинные теоретики. Однако теоретики не являются невинными. Они рекомендуют средства, недоступные пониманию,

причем даже в областях, имеющих дело с людьми; они превозносят «рациональность» и «объективность» науки, не осознавая того, что методы, исключаящие все человеческие элементы, неизбежно приводят к бесчеловечным действиям. Или они проводят различие между благом, которое наука может дать «в принципе», и тем дурным, что происходит в действительности. Едва ли это может нас успокоить. Все религии «в принципе» являются добрыми, однако, к несчастью, это абстрактное Добро очень редко удерживает его приверженцев от варварства и жестокости.

Не склонные к размышлениям люди привыкли ссылаться на то, что каждый «разумный» человек убежден: наука дает знание. Здесь есть двусмысленность: аргументация не действует на каждого человека, она действует только на того, кто подготовлен соответствующим образом. И это общее свойство всех идеологических споров: аргументы в защиту определенного мировоззрения зависят от допущений, которые принимаются в одних культурах, но отвергаются в других, однако вследствие невежества их сторонников считаются обладающими универсальной значимостью.

Сказанное Фейерабендом в работе «Прощай, разум!» до сих пор можно кратко выразить в следующих двух утверждениях:

(А) Способы рассмотрения и решения научных проблем зависят от обстоятельств их возникновения, от (формальных, экспериментальных, идеологических) средств, доступных в данный момент времени, и от желаний людей, которые ими занимаются. Не существует неизменных граничных условий научного исследования.

(В) Способы рассмотрения и решения социальных проблем и проблем взаимодействия культур также зависят от обстоятельств их возникновения, средств решения, доступных в данный момент времени, и от желаний людей, которые ими занимаются. Не существует неизменных граничных условий человеческой деятельности.

Так, Фейерабенд критиковал концепцию, которую буду обозначать как (С), утверждающую, что наука и человечество должны приспособливаться к условиям, которые детерминированы независимо от человеческих желаний и культурных обстоятельств. И автор возражал против предположения (D) о том, будто проблемы можно решать со стороны, не принимая участия в деятельности заинтересованных в этом людей.

(С) и (D) вместе образуют стержень той концепции, которую автор называет *интеллектуалистским подходом к социальным проблемам*. Эти положения разделяют академические марксисты, либералы, социальные ученые, бизнесмены, политики, стремящиеся помочь «недоразвитым народам», и пропагандисты «новых эпох». Каждый писатель, который жаждет улучшить знание и спасти человечество, который не удовлетворен существующими идеями, полагает, что спасение может прийти только от новой теории и для разработки такой теории нужны лишь правильные книги и несколько ясных идей (С) и (D) использовались также для критики моих высказываний о политике. По мнению своих критиков, Фейерабенд поднял большой шум, но мало чего достиг. Его подход, говорят они, сводится только к отрицанию. Фейерабенд выступал против отдельных процедур, но ничего не предлагаю взамен. Марксистов особенно сердит мое насмешливое отношение к их любимым игрушкам — к науке и гуманности.

Эти замечания совершенно справедливы. Фейерабенд признает, что он действительно не высказывал позитивных предложений. Однако причина не в том, что он забыл о сути дела или не смог конкурировать с талантливыми спекуляциями своих академических коллег, а в своем уважении к тем традициям, которые он защищал изо всех сил. Это исторические, а не абстрактные традиции. Исторические традиции нельзя понять со стороны. Их предположения, их возможности, желания (часто бессознательные) их представителей можно обнаружить, лишь погрузившись в них, т.е. *нужно жить той жизнью, которую хочешь изменить*. Ни (С), ни (D) нельзя применить к историческим традициям.

Граничные условия и решения, изобретаемые посторонними спекулятивными мыслителями, можно навязать, но *только проигнорировав полноту человеческого существования тех, кого делают жертвами воздействия*. Интеллектуалы, поддерживающие это насильственное навязывание, принимают в расчет «человеческое измерение», у них есть «теории человека», которыми они руководствуются в своих действиях. Однако эти теории ничего не говорят о приносимых в жертву людях, они выражают ментальность представителей университетских кафедр и семинаров. Главное возражение против интеллектуальных решений социальных проблем состоит в том, что они начинают с очень узкой культурной базы, приписывают ей универсальную значимость и прибегают к силе для того, чтобы навязать ее другим.

Один из опытов Фейерабенда, который оказал на него громадное влияние. Он впервые описал их в работе «Наука в свободном обществе»:

После 1964 года благодаря новой политике в области образования в университет пришли мексиканцы, чернокожие, индейцы. Частью любознательные, частью пренебрежительные, частью просто смущенные, они сидели в надежде получить «образование». Какая возможность приобрести поклонников! Какая возможность, говорили мне друзья-рационалисты, содействовать распространению разума и совершенствованию человечества. Какая великолепная возможность для подъема новой волны просвещения! У меня было совсем иное чувство. Мне подумалось, что мои головоломные аргументы, удивительные истории, которые я до тех пор рассказывал моей более или менее искушенной аудитории, могут быть не более чем выдумками небольшой группы людей, которые добились успеха в подчинении своим идеям всех остальных. Кто я такой, чтобы учить собравшихся людей тому, что и как нужно думать? Я не знал их проблем, хотя понимал, что они у них есть. Мне были незнакомы их интересы, их чувства, их страхи, хотя я знал, что они хотят учиться. Могли ли те

скучные хитросплетения мыслей, которые долгие годы копились философами и которым либералы постарались придать соблазнительную упаковку, что-то дать тем людям, у которых отняли страну, культуру, достоинство и теперь предлагали усвоить и повторять чуждые им идеи их поработителей? Они хотели знать, они хотели учиться, они хотели понять окружающий их мир, так разве не заслуживали они лучшей пищи для своего ума? Их предки создали свою собственную культуру, богатый язык, мировоззрение, гармонизирующее отношения между людьми и между человеком и природой. Даже остатки всего этого позволяют критически взглянуть на тенденции к разобщению, анализу, к эгоцентризму, присущие западному мышлению... Вот такие мысли приходили мне в голову, когда я смотрел на свою аудиторию, и во мне зародилось отвращение к той задаче, которую мне нужно было решать. Теперь мне стало вполне ясно, что это - задача очень просвещенного, очень хитроумного надсмотрщика над рабами. А я не хотел быть надсмотрщиком.

Подводя итоги вышеописанным идеям Фейерабенда можно отметить его как кардинального мыслителя своего времени. П. Фейерабэнд подчеркивал, что имеющийся в распоряжении ученого эмпирический и теоретический материал всегда несет на себе печать истории своего возникновения. Факты не отделены от господствующей на том или ином этапе научной идеологии, они всегда теоретически нагружены. Принятие ученым той или иной системы теорий определяет его интерпретацию эмпирического материала, организует видение эмпирически фиксируемых явлений под определенным углом зрения, навязывает определенный язык их описания.

Фейерабэнд отрицает кумулятивистскую модель развития науки, основанная на идее накопления истинного знания. Старые теории нельзя логически вывести из новых, а прежние теоретические термины и их смыслы не могут быть логически получены из терминов новой теории.

Смысл и значение теоретических терминов определяются всеми их связями в системе теории, а поэтому их нельзя отделить от прежнего теоретического целого и вывести из нового целого.

Фейерабенд подмечает особенность содержания теоретических понятий и терминов. В них всегда имеется несколько пластов смыслов, которые определены их связями с другими понятиями в системе теории. К этому следует добавить, что они определены не только системой связей отдельной теории, но и системой связей всего массива взаимодействующих между собой теоретических знаний научной дисциплины и их отношениями к эмпирическому базису. Но отсюда следует, что выяснить, как устанавливаются связи между терминами старой и новой теории, можно только тогда, когда проанализированы типы связей, которые характеризуют систему знаний научной дисциплины, и как они меняются в процессе развития науки. И он свидетельствует, что между новыми и старыми теориями и их понятиями (терминами) существует преемственная связь, хотя и не в форме точного логического выведения всех старых смыслов из новых.

Отбросив идеи преемственности, Фейерабенд сосредоточил внимание на идее размножения теорий, вводящих разные понятия и разные способы описания реальности. Он сформулировал эту идею как принцип пролиферации (размножения). Согласно этому принципу, исследователи должны постоянно изобретать теории и концепции, предлагающие новую точку зрения на факты. При этом новые теории, по мнению Фейерабенда, несоизмеримы со старыми. Они конкурируют, и через их взаимную критику осуществляется развитие науки. Принцип несоизмеримости, утверждающий, что невозможно сравнение теорий, рассматривается в самом радикальном варианте как невозможность требовать от теории, чтобы она удовлетворяла ранее принятым методологическим стандартам. Фейерабенд подметил важную особенность исторического развития науки: то, что в процессе такого развития не только возникают новые понятия,

теоретические идеи и факты, но и могут изменяться идеалы и нормы исследования. Он пишет, что великие открытия науки оказались возможными лишь потому, что находились мыслители, которые разрывали пути сложившихся методологических правил и стандартов, произвольно нарушали их.

Он заключил, что не следует стремиться к установлению каких бы то ни было методологических правил и норм исследования. Но из того факта, что меняются типы рациональности, вовсе не следует, что исчезают всякие нормы и регулятивы научной деятельности.

Свою позицию Фейерабенд именуется эпистемологическим анархизмом. Эта позиция приводит к отождествлению науки и любых форм иррационального верования. Между наукой, религией и мифом, по мнению Фейерабенда, нет никакой разницы. В подтверждение своей позиции он ссылается на жесткую защиту учеными принятой парадигмы, сравнивая их с фанатичными адептами религии и мифа. Но при этом почему-то игнорирует то обстоятельство, что, в отличие от религии и мифа, наука самой системой своих идеалов и норм ориентирует исследователей не на вечную консервацию выработанных ранее идей, а на их развитие, что она допускает возможность пересмотра даже самых фундаментальных понятий и принципов под давлением новых фактов и обнаруживающихся противоречий в теориях.

Список литературы

1. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки - М.: Прогресс, 2008
2. Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания - М., 2007
3. Фейерабенд, П. Прощай, разум! - М. 2010
4. Философский энциклопедический словарь, 1999